

**Моркинско-сернурский говор марийского языка.
Коллективная монография, Йошкар-Ола 2012. 208 с.**

Предлагаемый коллективный труд посвящен языковым особенностям моркинско-сернурского говора — диалектной базы марийского литературного языка. Он состоит из предисловия (с. 3—4), введения (с. 5—11), четырех глав, списка сокращений (с. 177): названия языков и диалектов, названия районов Республики Марий Эл; списка литературы (с. 178—179); четырех приложений: примеры лексических образцов говора (180—193), связные тексты говора (с. 194—204), карта марийских диалектов (с. 205), схематическая карта моркинско-сернурского говора (с. 206).

В рубрике «Содержание» (с. 207) нумерация страниц начиная с «Примеры текстов говора» значительно расходится с основным текстом работы. Названия некоторых рубрик в приложениях могли бы быть точнее, например, вместо «Примеры текстов говора» (с. 194) — «Образцы речи моркинско-сернурского говора» и др. Есть неточности и на карте марийских диалектов. Так, на карте отдельно фигурирует кукморский говор, но в марийской диалектологии кукморский говор не выделяется, а числится в составе малмыжского говора. В Кукморском районе Республики Татарстан в настоящее время насчитывается пять марийских селений: д. Княгор, д. Починок-Кучук, п. Синерь, с. Старая Кия (Иске Кенә), д. Чигаика. Правда, п. Синерь имеет смешанное

марийско-русское население. На карте марийских диалектов кунгурский говор отмечен севернее красноуфимского. Он же распространен западнее красноуфимского, на территории Ачитского района Свердловской и южных районов Пермской областей.

Во введении коротко излагается история моркинско-сернурского говора. Высказывание М. Н. Янтемира (Описание Маробласти. Сернурский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона), Краснококшайск 1927, Вып. VII, с. 5) приведено без ссылки на его работу. Правда, в списке литературы она значится, хотя библиографические данные не точны.

Глава «Фонетика» (с. 12—112) написана И. Г. Ивановым. Фонему *a* литературного языка он считает гласным переднего ряда (с. 13). Согласно экспериментальным данным, звук *a* характеризуется как нелабиализованный гласный среднего ряда, но самого низкого подъема, т. е. самый открытый из всех гласных моркинско-сернурского говора.

Что касается деления гласных по ряду, то, по мнению Иванова, их целесообразнее подразделять только на передне- и заднерядные. При этом он ссылается на действие закона палатальной гармонии (с. 13). Однако артикуляционные особенности гласных свидетельствуют о трехрядной системе вокализма марийского языка, т. е.

по движению языка вперед или назад гласные делятся на передне-, средне- и заднерядные. Что касается средне-рядных, или гласных центрального ряда [ы], [а], то по отношению к гармонии гласных они нейтральны. Поэтому в составе слова после них могут быть как лабиальные, так и иллабиальные гласные, как палатальные, так и велярные, например: новорусизмы *а-вгустышто^м*, *источник лаштэ^м*, *источникышто^м*, *механ'иза-тордымо^м*, *механ'иза-торланжэ^м*; собственно марийские слова *купла-штэ^м* 'на болотах', *ара-лыдымэ^м* 'беззащитный', *йы-жвэ^м*-*йа-жвэ^м* 'редкий, жидкий' (о волосах).

В заударных слогах и конечном открытом слоге *а*, по мнению И. Г. Иванова, подвергается некоторой редукции, которая проявляется в меньшей степени, чем у фонем *о*, *ö*, *э*: *кóнда* 'принесет', *кóла* 'умирает', *нóлта* 'поднимает', *шынча* 'сидит' (с. 15). Нельзя забывать, однако, что ауслутивный [а] как интенсивный и сильный звук не подвергается редукции и, как правило, ударение перетягивает на себя, поэтому [*кóнда*·], [*кóла*·], [*нóлта*·], [*шынча*·].

Анализируя употребление гласных [и], [о], И. Г. Иванов приводит лексемы *пилитлаш* 'пилить (доску)', *шумитлаш* 'шуметь' (с. 18), *погода* 'погода', *полотэнсэ* 'полотенце' (с. 19) и квалифицирует их как русские заимствования. Однако на фоне исконных слов *йыгаш* 'пилить (доску)', *шургаш* 'шуметь', *иеече* 'погода', *солык*, *шйргйиштыш* 'полотенце' ясно, что они являются лексическими проникновениями.

Диалектные данные противоречат некоторым выводам автора главы. Так, во втором прикрытом слоге, как он отмечает, фонема *о* в говоре в исконных словах не встречается (с. 19). Следует заметить, что в этой позиции она встречается в таких исконных словах, как [*куго-рно^м*] 'большак, тракт, шоссе', [*нолко-ж*] 'пихта', [*мунова-рчык*] 'омлет, яичница из взболтанных с мукой и молоком яиц', [*муноптэ-м*] 'желток', [*ошто-ч*] 'орлан-белухост'.

О заднерядности гласного *ы* утверждается, что в ее пользу свидетель-

ствует и корреляция *ы* — *ё* по ряду. При этом автор ссылается на работу Г. С. Патрушева «К вопросу о русско-марийских языковых контактах» (с. 25). Но в ней речь о корреляции *ы* — *ё* не идет, поскольку в моркинско-сернурском говоре гласный *ы* не имеет палатальной пары.

И. Г. Иванов считает, что в моркинско-сернурском говоре следует выделить еще одну гласную фонему — *ы*, заимствованную из русского языка (с. 27). Однако в системе гласных говора рус. *ы* выступает на правах аллофона марийской фонемы *ы*, не выполняя дистриктивной функции. Смещение артикуляции в речи представителей молодого поколения произошло под влиянием русской фонетики и орфоэпии.

Рассматривая ассимиляцию гласных в шоруньжинском подговоре, И. Г. Иванов отмечает, что уподобление по лабиальности происходит не только по ряду, но и по подъему языка. Если в первом слоге узкий лабиальный гласный *й*, то в рассмотренных положениях появляется также *й*, а не *ö*, если в первом слоге оказывается более широкий *ö*, то в указанном положении тоже появляется *ö*. Автор приходит к выводу: «Общее требование — переднеязычность остается и в этом подговоре, т. е. подобная лабиализация опять-таки касается только гласных переднего ряда, заднерядные гласные в этом процессе не участвуют даже по своему ряду» (с. 38—39). Возникает вопрос: имеется ли в шоруньжинском подговоре уподобление заднерядных гласных типа *куру-к* 'гора', *курну-ж* 'ворон' и др.?

В моркинско-сернурском говоре, по И. Г. Иванову, 24 согласные фонемы, из них исконно марийские *β*, *г*, *д*, *ж*, *з*, *й*, *к*, *л*, *л'*, *м*, *н*, *н'*, *нг*, *п*, *р*, *с*, *т*, *ч*, *ш* (с. 52), еще пять появились относительно недавно вместе с русскими заимствованиями: *ф*, *х*, *ц*, *щ*, *б* (с. 86). Однако в марийском консонантизме щелевой двухфокусный (со вторым средним фокусом) глухой согласный *щ* отсутствует.

Весьма запутанной представляется артикуляционная характеристика фо-

немы β . В одних случаях, как полагает И. Г. Иванов, это билабиальный фрикативный звук, в других — билабиальный слабосмычный взрывной (с. 53). Необходимо иметь в виду, что артикуляция этого звука зависит от возраста носителей говора: у людей старшего поколения он билабиальный, фрикативный звонкий согласный, у молодежи и людей среднего поколения — лабиодентальный, фрикативный звонкий согласный. В транскрипции первый обозначается графемой β , второй — v .

По мнению И. Г. Иванова, проблемным остается вопрос: является ли β в положении второго компонента в сочетании с m вариантом фонемы β (скорее всего, речь идет о фонеме β). Он утверждает, что в этом положении стали одним звуком два варианта двух фонем — с одной стороны, звук, образовавшийся в результате влияния m по способу образования на билабиальный слабосмычный β в словах типа *омбал* 'лавка' < *олям* + *вал*; с другой, вариант фонемы n , тоже образовавшийся под прогрессивным влиянием m , но уже по звонкости: *ломбо* 'черемуха' < *лом* + *пу*, т. е. изменение по формуле $n < \beta < \delta$ (с. 53—54).

Следует иметь в виду, что стимулом для вариативности β послужили не внешние импульсы, а внутренние противоречия консонантной корреляции. Согласный β до недавнего времени коррелировал с глухим смычным n — привативная оппозиция, построенная на отсутствии/наличии смычности. Такая оппозиция оказалась неудобной для марийской фонологической системы, стремящейся к усилению взаимной связанности входящих в нее элементов. Тенденция к симметрии фонологической системы обусловила зарождение аллофона $[\delta]$ вследствие позиционного озвончения глухого $[n]$ в исконных словах: *ломбо*^м 'черемуха' < **лом+пу* 'дерево', ср. удм., коми *льѓм-пу* 'черемуха'; *омба-л* 'скамья (вдоль стены)', ср. манс. *räl* 'скамейка', удм. *пул*, коми *пѓв* 'доска' и др.

Возникновение аллофонного варьирования обусловлено, видимо, давлением фонологической системы, под

которое иногда подводят и антропофоническое взаимодействие близких по звучанию фонем. В диалектах марийского языка давно отмечена тенденция к антропофоническому выравниванию фонем, входящих в ту или иную корреляцию. Известно, что прамарийский аллофон $[\delta]$ с трудом находил свое место в марийских диалектах. Процесс его интеграции с корреляцией по глухости $\delta - n$ осуществляется тем быстрее, чем раньше губно-губной характер β сменится губно-зубной артикуляцией, хотя в некоторых позициях губно-зубной v может дать позиционный глухой аллофон $[\phi]$ как возможный претендент на оппозицию $v - \phi$. Фонологическая суть давления системы — создание интегративной функции корреляции $[\delta] - [n], [v] - [\phi]$ с одновременным устранением некоррелятивной оппозиции $[\beta] - [n]$.

Появление и становление звуко-типа $[\delta]$ обычно трактуют как следствие контактов с русским языком. Однако возможны разные источники: с одной стороны, глухой губно-губной $[n]$, который в инлаутной позиции под ассимилятивным влиянием сонанта $[m]$ озвончается, реализуясь в комбинаторном варианте, с другой, звонкий $[\beta]$, выступающий в определенных позициях как слабосмычный аллофон $[\delta]$. Русский и тюркские языки, естественно, оказали сильное воздействие на фонологизацию этих аллофонов.

По поводу употребления β в инлаутных сочетаниях согласных И. Г. Иванов в качестве второго компонента называет *ж, з, й, л, м, н, р, с, т, ш*: *пѓжвѓт* 'пот', *тѓжвалнэ* 'наружу', *ызвэр* 'зверь' и т. п. (с. 55). Как видно из примеров, указанные согласные выступают здесь первыми компонентами. Среди примеров есть и такие, как *румбык* 'муть', *рѓмбык* 'сумерки', *тэмбак* 'близко', *ѓмбак* 'наверх', в которых вместо $[\beta]$ употребляется $[\delta]$.

Если позиционный анализ фонем не базируется на достаточном материале, его результаты не отражают действительность. И. Г. Иванов отме-

чает, что *л* в конце слова не употребляется (с. 70). Однако в этой позиции он встречается во многих заимствованиях: *д'эта-л'*, *глуши-т'эл'*, *го-спитал'*, *гри-фэл'*, а в исходе слова — в звукоподражательных словах: *умшажым пыльышта саде їдырамаш* 'лыство улыбается та женщина'; *пыль* передает усмешку с оттенком лести, желания понравиться; *мыль-муль* — подражание нечеткому изображению, *муль да муль ончалеш* 'посматривает косо, сверкая белками' Говоря о сочетаниях согласных, автор приводит варианты: Г-РЖГ, Й-ЛТЙ, ШТЙ и др. (с. 89), но не подтверждает их примерами.

И. Г. Иванов утверждает, что интерференция *т* — *д* в сернурском подговоре имеет фонологическое значение, например: *волда* 'ваше корыто' — *волта* 'спускает', *кылда* 'ваши связи' — *кылта* 'сноп' и т. д., что отсутствует в моркинском подговоре (с. 90). Однако, по мнению рецензента, здесь нет интерференции.

Озвончение личных суффиксов глаголов иллюстрируется примерами: *толда* 'вы придете' (следует: 'вы пришли'), *кайда* 'вы пойдете', *кїрда* 'вы теревите' (с. 91). Такие формы для сернурского подговора не характерны. В указанных словах происходит разрядка инлаутного сочетания эпентезой среднерядного *ы*, в редких случаях переднерядного *э*.

По поводу чередования звуков И. Г. Иванов отмечает, что некоторые исследователи считают марийское чередование таким же распространенным явлением, как ассимиляция, озвончение, оглушение (с. 97). Он уточняет, что «названные факты по сути дела являются ни чем иным, как одними и теми же явлениями и только названными разными терминами» (с. 98).

При анализе особенностей ударения следует учитывать и характер акцентуации фонетического слова. К сожалению, в рецензируемой работе нет ни слова о нем. Фонетическое слово состоит из двух «частей», одна из них, как правило, ударная. Если безударная «часть» предшествует ударной, она называется проклитикой, например:

ала-ку-до 'некоторый (-ая, -ое)', *иктаж-мыня-р(е)* 'сколько-нибудь', *кõ-гына-т* 'кто-либо, кто-нибудь'. Если же она следует за ударной, то это энклитика, например: *о-м тол* 'не приду', *ы-ш луд* 'не читал', *о-т тол* 'не придешь'.

В настоящее время облигаторность норм моркинско-сернурского говора подрывается как влиянием более престижного литературного языка, так и влиянием русского языка.

Глава «Лексика» (с. 113—134) написана Л. И. Барцевой и В. Н. Васильевым. Она состоит из трех разделов: 1) общие сведения о лексике (с. 113—120); 2) тематические группы диалектных слов (с. 121—125); 3) исторические пласты лексики говора (с. 126—134). Касаясь истории сбора лексического материала, авторы отмечают вклад финских ученых В. Поркка и Ю. Вихманна, упоминают материалы Тимофея Евсевьева (Евсеева), изданные в Хельсинки, высказывают свои соображения о рукописном словаре А. Смирнова, священника из села Арино.

Авторы констатируют, что меньшая часть слов свойственна только моркинско-сернурскому говору и встречается лишь в пределах его распространения, например: *висл'ак* 'жерди на соломенной крыше', *карангэ* 'брюква', *тэр лыптыш* 'брус саней' (с. 114). Однако лексические изоглоссы свидетельствуют о наличии некоторых слов в других диалектах, например: *запон* (волжск. *сапон*) 'фартук', *канагу* (волжск. *канавэ*) 'канавы', *лызэ* (волжск. *лызэ*) 'гибкая молодая ветка', *малакай* (волжск. *малакай*) 'шапка', *пуйол* (волжск. *пуйол*) 'деревянная нога, протез' (с. 114—115).

В списке собственно лексических диалектизмов встречаются неверные переводы на русский язык, например: *коракпулэж*, *коракпуч* 'борщевик' вместо 'купырь (трава, семейство зонтичных)', *кїррэнвуй* 'мята' вместо 'душица', *листе* 'жесть' вместо 'железный лист', *мурчыкпюngo* 'белоголовик' вместо 'сморочок', *тинга* 'мошкар' вместо 'овод' (с. 115).

Авторы выделяют в говоре следующие лексико-семантические типы:

1) слова, обозначающие родственные отношения; 2) слова, связанные с домом, надворными постройками, домашней утварью; 3) названия природных объектов; 4) названия пищи, напитков и связанных с ними предметов; 5) названия ягод, кустарников, деревьев; 6) названия рыб, орудий рыбной ловли; 7) названия, относящиеся к растительному миру; 8) слова, связанные с названием птиц, насекомых; 9) названия конной упряжки; 10) названия одежды и украшений; 11) названия частей тела и внутренних органов; 12) названия качеств и свойств; 13) слова, обозначающие образ действия; 14) названия действий и состояний (с. 121—125).

В разделе «Исторические пласты лексики говора» рассматривается словарный состав моркинско-сернурского говора с точки зрения происхождения. К сожалению, материал изложен не в строгой последовательности, а фрагментарно, а потому не дает четкого представления о формировании словарного состава моркинско-сернурского говора.

Авторы не ищут лексических изоглосс в диалектах уральских языков и параллелей в марийских говорах, чем объясняется и неубедительность некоторых выводов о пространственном распространении отдельных слов.

По мнению авторов, большинство слов, заимствованных из индоиранского языка, общеупотребительны: *mijki* 'пчела', *mijj* 'мед' и др. (с. 129). Но нельзя не признать, что указанные слова отнесены к протоиндоевропейским лексемам: санскритские *makṣa-s* 'муха', *madhu* 'мед'. На основе приведенных материалов моркинско-сернурские слова можно сравнивать с такими лексемами новоиранских языков: *окмак* 'глупый' — новоиран. *охмак* 'глупый', *увер* 'известие' — новоиран. *хабар* 'известие', *чанг* 'колокол' — новоиран. *занг* 'колокол', *шолем* 'град' — новоиран. *жола* 'град'.

Как свидетельствуют этимологические экскурсы, происхождение многих моркинско-сернурских слов нуждается в уточнении и переинтерпре-

тации с привлечением комплексных методов исследования.

Глава «Морфология» (с. 135—162) написана З. В. Учаевым. В ней анализируются в основном формообразование и словоизменение пяти знаменательных частей речи: имен существительных, имен прилагательных, имен числительных, местоимений и глаголов.

По мнению автора главы, морфологический строй моркинско-сернурского говора существенно не отличается от норм литературного языка. Незначительные диалектные отличия в области морфологии касаются лишь внешней стороны, фонемного оформления, отдельных грамматических значений. Своеобразие диалекта проявляется в использовании личных местоимений и некоторых окончаний, в употреблении форм множественности (с. 135).

Тем не менее, структурные особенности временных форм моркинско-сернурского говора встречаются в его подговорах. Так, в Верх-Ушнурском подговоре в отрицательной форме II прошедшего времени изменяется не отрицание, а основной глагол по лицам и числам:

Ед. ч. *Лудынам огыл* 'я не читал'
Лудынат огыл 'ты не читал'
Лудын огыл 'он не читал'

Мн. ч. *Лудынна огыл* 'мы не читали'
Лудында огыл 'вы не читали'
Лудыныт огыл 'они не читали'

На материале моркинско-сернурского говора нет новых исследований о грамматических категориях служебных частей речи. Такие исследования прояснили бы многие процессы в морфологии марийского литературного языка.

Глава «Синтаксис» (с. 163—176) написана Л. С. Матросовой, которая считает, что в синтаксисе говоров марийского языка диалектные различия проявляются меньше, чем в морфологии и фонетике. В моркинско-сернурском говоре они прослеживаются в способах выражения главных и второстепенных членов предложения; по-

строении сложных сочетаний слов; наборе служебных слов; способах синтаксической связи между предикативными частями в сложных предложениях; использовании вставок, вводных конструкций; инверсионном порядке слов в предложении; неполных конструкциях. Диалектные черты синтаксиса моркинско-сернурского говора, как полагает Л. С. Матросова, либо относятся к раннему периоду развития языка, либо к относительно позднему внутрдиалектному развитию и потому представляют чрезвычайный интерес с точки зрения истории марийского языка (с. 163).

Обобщая изложенное, можно констатировать, что рецензируемый труд восполнит пробел в исследовании разновидностей марийского языка и процессов, протекающих в говорах в настоящее время. Он поможет студентам-филологам в изучении марийской диалектологии.

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

Address

Anatolij Kuklin
Mari State University
E-mail: markaf@marsu.ru
Phone:+79278864217